

Евреи в «антисоветском» десятилетии. К 100-летию НЭПа

«Нэпман», карикатура 1920-х годов
Ленина о НЭПе

Брошюра

НЭП — за этими тремя буквами стоит самая удивительная из всех советских эпох, с самыми несоветскими правилами игры. Беспощадная Гражданская война, безумный «военный коммунизм» принесли массу жертв и довели Советскую Россию до экономического коллапса. Кронштадтский мятеж матросов — ударной силы большевиков — стал последней каплей. Ленин понял, что для спасения большевистского режима нужны временные серьезные идеологические уступки.

В марте 1921 г. X съезд РКП(б) круто развернул экономику страны. Открыли частный сектор, привлекли «концессионный» иностранный капитал. Так появился НЭП — новая экономическая политика.

Свет в конце тоннеля?

Залп «Авроры» принес многим евреям огромные бедствия. Сначала война, погромы, сотни тысяч погибших и искалеченных, грабеж имущества. Затем разорительная политика «военного коммунизма» со свертыванием товарно-денежных отношений и тотальной конфискацией. Вся эта советская «шариковщина» и «швондерщина» разрушила экономические устои традиционной жизни многих евреев, местечки обнищали и наполнились толпами безработных и беженцев.

Новый советский червонец, 1922

Теперь же, с приходом НЭПа, появилась надежда на свет в конце «красного» тоннеля. Нарком финансов Григорий Сокольников (Гирш Бриллиант) провел денежную реформу: обесцененные бумажки со множеством нулей сменились твердым конвертируемым червонцем, обеспеченным золотом.

Школа выживания в царской России с ее «чертой оседлости» и процентной нормой помогла евреям занять часть предпринимательской ниши. Некоторые стали владельцами мелких промышленных предприятий, многие были кустарями: портными, сапожниками, кожевниками и т.д. Традиционная тяга к образованию обусловила высокий процент евреев среди студентов: в РСФСР — около 11%, в Украине — около 25%. В конце 1920-х евреи составляли 13,5% научных работников и почти 8% госслужащих. Новый режим нуждался в образованных кадрах, а уровень грамотности у евреев был выше, чем в среднем по стране.

Еще одним средством борьбы с безработицей стало привлечение евреев к земледелию. В 1924-м создали Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КомЗЕТ) и Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ). Агро-Джойнт, ЕКО, ОРТ и иные еврейские благотворительные организации поддерживали еврейское сельское хозяйство. В конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. были учреждены три еврейских национальных района в Украине и два в Крымской АССР, десятки национальных сельсоветов.

В 1930-х Биро-Биджанский национальный район получил статус Еврейской автономной области.

Однако переселенцев оказалось гораздо меньше, чем предполагалось. Причин было предостаточно: сложности обустройства, историческое отсутствие у большинства евреев навыков ведения сельского хозяйства и т.п.

Палки в колеса

Несмотря на позитивные нэповские сдвиги, значительная часть еврейского населения по-прежнему балансировала на грани выживания. В первый период НЭПа часть евреев получали пособия по безработице. Затем выплаты сильно урезали. И тут снова помогла заграница: «Джойнт», другие зарубежные еврейские организации и родственники из-за рубежа. «Джойнт» создавал ПТУ для еврейских рабочих и ремесленников, оказывал материальную помощь тысячам еврейских студентов и, вместе с тем, поддерживал и нуждающихся неевреев, предоставлял американскую технику хозяйствам, содержал более 900 детских домов.

Типажи эпохи НЭПа

Разумеется, большевики вставляли палки в колеса частным хозяйствам. Особенно доставалось тем, кто применял наемный труд. Благодаря субсидиям государственная и кооперативная торговля вскоре начали теснить частную. Налоговая политика зачастую вообще доходила до абсурда. Однажды комиссия ЦК Компартии Белоруссии признала, что налоги превысили стоимость товаров в лавках.

Торговцы и ремесленники, использовавшие чужой труд, служители культа и другие «нетрудовые элементы» лишились избирательных и многих социальных прав. «Лишенцев» выселяли из коммунальных квартир, они не получали пенсию, для них вводили повышенную квартплату, их дети не могли поступить в высшие и средние специальные учебные заведения и т. п. Из-за особенностей профессиональной занятости «лишенцами» стало около трети евреев, что заметно превышало соответствующую долю среди других народов СССР.

Над нэпманами висела дамокловым мечом постоянная опасность репрессий. Рассказ «Спешное дело» Михаила Зощенко хорошо передает атмосферу того времени и бытовавшие в обществе страхи.

За нэпманом Егором Горбушкиным приходит ГПУ. Вызывают по какому-то уголовному делу. «Только бы не высшая мера. Высшую меру я действительно с трудом переношу», – говорит буржуй и уходит. Родственники рыдают. Мадам Горбушкина размышляет: «Дескать, по какому делу влип мой супруг — еще неизвестно. Но одно ясно: какое-нибудь дело найдется. У каждого человека дела имеются, и каждый человек по краешку ходит. Но неужели же за это высшую меру могут сделать?» Брат нэпмана говорит: «На высшую меру я не надеюсь. Но скорей всего, в силу социального положения, как пить дать конфискуют имущество... Предлагаю ввиду этого ликвидировать имущество...» И уже до вечера они продали мебель, пианино, костюмы и даже часть квартиры.

Вечером возвращается веселый и пьяный Горбушкин. Оказывается, вызывали его просто «для одной справки. Вроде как свидетелем». Немая сцена. Но проданному имуществу нэпман отнюдь не опечалился: «Это, — говорит, — прямо даже очень великолепно, что запродались. Все мы по краешку ходим. А оно без имущества много спокойней и благородней».

Местечко, но без раввина

Под контролем властей развивалась в 1920-е светская «пролетарская» культура, литература на идише, работали еврейские школы, вузы, библиотеки, профессиональные театры. Историк Александр Локшин отмечает, что в это время родились замечательные произведения, но большинство из них было крайне идеологизировано: «Вспомнить хотя бы снятый в 1925 году фильм «Еврейское счастье», режиссером которого был Александр Грановский, автором сценария Исаак Бабель, а в главной роли снялся Соломон Михоэлс. Даже этот шедевр, созданный великими мастерами в сравнительно травоядную эпоху, выглядит довольно оригинально. Зритель видит традиционное местечко, но раввин и синагога не появляются в кадре ни разу, даже в сцене хупы, где мужчины и женщины вместе (!) пляшут под балдахин».

Еврейские пионеры

Инакомыслие жестко подавлялось. Сионизм объявили реакционной буржуазной идеологией, иврит — сионистским языком. Шло сражение с иудаизмом, иешивами и хедерами, в ряде синагог открылись клубы воинствующих безбожников.

Евсекции проводили пропаганду в местечках, контролировали еврейскую прессу, противодействовали нэпманизации. Порой они даже бежали впереди партийного паровоза, особенно в борьбе с сионизмом и ивритом. Несмотря на это, в 1930-м евсекции упразднили, а в годы «большого террора» многих их деятелей репрессировали.

Еврейская национальная власть?

Примерно с середины 1920-х гг. в СССР поднялась новая волна антисемитизма. После большевистской революции бытовал стереотип, что революция еврейская. Кивали на евреев, занимавших высокие должности в различных госорганах, в ВЧК, в Красной армии. При этом не замечали, что советская власть ударила по огромной массе евреев — их религиозной традиции, частной собственности, материальному положению, социальному статусу и т. д. Не хотели видеть, что только в 1918-1922 гг. около 200 тысяч евреев эмигрировали подальше от этой власти. В том числе многие представители дореволюционной еврейской элиты — интеллигенция, общественные деятели, предприниматели: Хаим Нахман Бялик, Семен Дубнов, Александр и Альфред Гинцбурги, Семен Франк, Даниил Пасманик, Максим Винавер, Оскар Грузенберг и другие. Некоторые из них были высланы из страны.

М. Винавер

Член I Государственной думы Максим
Винавер

Известный юрист Оскар Грузенберг,
получивший прозвище «Еврейский
защитник»

Историк Олег Будницкий цитирует известного еврейского общественного деятеля Алексея Гольденвейзера, эмигрировавшего в 1921 г. в Германию: «...Большевики на глазах у всех разрушили и разрушают все национальные институты еврейской жизни — всё, что удалось сохранить под гнетом царизма и что начало так пышно расцветать в кратковременную эпоху Временного правительства. Они уничтожили общины... они разрушили сеть еврейских филантропических организаций, они преследуют раввинат и ограбили синагоги... древнееврейский язык был объявлен запретным и все конфессиональные школы закрыты. Что же — всё это могла сделать еврейская национальная власть?».

Разделяет эту позицию и другой известный эмигрант, меньшевик Григорий Аронсон, входивший в Союз русских евреев в Нью-Йорке: «Нет оснований замалчивать тот факт, что в октябрьском перевороте приняла активное участие группа евреев-большевиков, примкнувших к Ленину... нельзя не упомянуть о деятельности многочисленных евреев-большевиков, работавших на местах в качестве второстепенных агентов диктатуры и причинивших неисчислимые несчастья населению страны, в том числе и еврейскому населению. Следует, однако, констатировать, что все эти лица еврейского происхождения не имели ничего общего с еврейской общественностью, отрицали существование еврейства как нации и всячески отрекались от своей принадлежности к еврейству».

«Всегда еврей легко везде заметен»

В условиях обозначившегося имущественного расслоения в стране очень мозолили глаза успехи нэпманов (здесь и советская пропаганда постаралась). К образу большевика-еврея добавился образ жирующего нэпмана-еврея.

У одних антисемитизм развивался на почве ненависти к большевикам, у других — на почве ненависти к антикоммунистам, у третьих — основывался на банальной конкуренции за место на социальной лестнице. Разнонаправленные струи сливались в один широкий антисемитский поток.

Евреи стали очень заметны в новом обществе. Здесь вспоминается Игорь Губерман:

Всегда еврей легко везде заметен,

*Еврея слышно сразу от порога,
Евреев очень мало на планете,
но каждого еврея — очень много.*

Резкое изменение положения части евреев вызывало у многих окружающих зависть и злобу.

Сказалось и разыгрывание Сталиным «национальной карты» в борьбе против внутрипартийной «объединенной оппозиции», лидерами которой были евреи — Троцкий, Зиновьев, Каменев. Некоторые сталинские агитаторы откровенно подчеркивали на митингах, что во главе оппозиционеров стоят евреи, повышая градус антисемитских настроений в обществе. Во время разгона оппозиционной демонстрации 7 ноября 1927 г. отдельные сторонники Сталина выкрикивали: «Бей жидов-оппозиционеров!».

Постепенно антисемитизм принял такой размах и, порой, столь антисоветскую направленность, что мимо него не могла проехать партийная машина. Убрав многих евреев из высших эшелонов власти, Сталин не захотел нарушать общественный статус-кво и тревожить нужные ему левые круги на Западе. Развернулась кампания по борьбе с антисемитизмом: выступления партийных деятелей, пресса, книги, кино, лекции, поездки рабочих в еврейские земледельческие колонии...

Нет денег — пусть не строят

Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?»

«Люблю, — ответил я, — когда он не нелеп», — писал Маяковский.

НЭП принес российским евреям и новые возможности, и новые проблемы. Он поднял разрушенную экономику, но надежды на капиталистическую эволюцию большевизма оказались миражом.

Уже в 1927-1928 гг. советская власть, устав от идеологических отступлений, перешла в контратаку на НЭП. В 1931-м он полностью ликвидируется. Запрещена частная торговля, отбирается имущество, следуют аресты, высылки «классово чуждых элементов» с семьями.

Свертывание НЭПа привело к новым бедам для многих евреев, в том числе, из традиционных местечек. Снова возросла безработица, усилилась бедность, а в годы Большого террора многие бывшие нэпманы были репрессированы.

Короткий миг НЭПа «между прошлым и будущим» советской истории промелькнул очень быстро. От него остались интереснейшие мемуары, яркая художественная литература, смешные и грустные анекдоты. Например, такой.

Рабиновича вызвали в ЧК.

— Товарищ Рабинович, мы строим социализм, но у нас денежные трудности, и мы рассчитываем на вас. Наверняка у вас где-то припрятано золото. Его нужно сдать.

— Я должен спросить жену.

На следующий день его снова вызвали.

— Что же сказала ваша жена, товарищ Рабинович?

— Она таки сказала: «Если нет денег, то пусть не строят. У меня нет денег — так я ведь не строю».

Александр Кумбарг, «Еврейская панорама», Германия